

РЕЦЕНЗИИ

Горпинич В. А. Антропонимия древнегреческого языка. – Днепропетровск: ДПУ, 2006. – 333 с.

Заявленная в рецензируемой книге тематика весьма актуальна: хотя античность интенсивно изучается в университетах и многие гуманитарные факультеты вводят в свои учебные планы курс древнегреческого языка, древнегреческая ономастика, и в частности антропонимия, остается вне сферы внимания, что существенно обедняет понимание древнегреческого текста, поскольку все собственные имена в нем воспринимаются скорее как экзотизмы и варваризмы, нежели как онимы, что еще больше увеличивает культурную дистанцию. Кроме того, греческая ономастика мало и редко исследуется в отечественной филологии, поэтому книга В. А. Горпинича вызывает неподдельный интерес.

Прочтение же вызывает целый ряд вопросов и возражений, прежде всего общелингвистического характера. Например, уже в разделе «От автора» обращает на себя внимание следующее утверждение: «Древнегреческий язык перед славянским имеет то преимущество, что он формировался одновременно с письменностью и поэтому фиксировал изначально образованный текст с собственными именами и названиями» (с. 4). Сомнительно, однако, что один язык может иметь преимущества перед другим и что древнегреческий язык формировался одновременно с письменностью. Она возникает на определенном этапе развития языка и далее, соответственно, нужно говорить об устной и письменной его формах, об их развитии и взаимовлиянии. Непонятно также, что такое «исходно образованный текст с собственными именами и названиями» и какова его особая связь с письменностью, тем более что собственные имена и названия в греческом языке (как и в других языках) необязательно имеют греческое происхождение.

Название первой главы «Древнегреческая ономастика» не вполне отвечает ее содержанию: большая часть ее (с. 6–14) посвящена изложению сведений, связь которых с предметом книги вызывает сомнения, и представляет собой никак не организованный набор из таблиц, карт и общих сведений по истории греческого языка, хорошо известных любому специалисту, при этом автор не поясняет, как нужно использовать все эти материалы для исследования древнегреческой антропонимии. Так, глава начинается копией перечня древнегреческих авторов, вошедших в «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого (с. 6). Автор предваряет ее лишь кратким сообщением, что на основе этого словаря и «Греческо-русского словаря по Бензелеру» «сформирован корпус онимов для исследования» (там же), однако методика отбора материала не раскрыта, и приведенный перечень никак не помогает этому раскрытию. На следующей странице (вновь без каких бы то ни было предварительных замечаний) помещена таблица «Классический греческий и новогреческий алфавит» (источник, откуда она взята, не указан). Помимо того, что сама таблица вызывает много вопросов (особенно это касается той ее части, где помещен так называемый классический алфавит), совершенно непонятно, какое отношение эти алфавиты, а также приведенные

на с. 8–10 подробные карты Древней Греции (кстати, также скопированные из словаря И. Х. Дворецкого) имеют к основной теме исследования.

Сведения, помещенные под заголовком «Греческий язык и греческое письмо» (с. 11–14), также слабо связаны с предметом изучения. Чему, например, служит справка о распространении современного греческого языка в современном мире или краткая периодизация истории греческого языка, а также суперлаконичные заметки об изменениях его фонетической, грамматической и даже синтаксической систем, сопровождающиеся сведениями о формировании и развитии греческого письма? Думается, что все эти мозаичные сведения скорее мешают как автору, так и читателю пробиться к основной теме.

В последнем разделе первой главы «Предварительные замечания» (с. 15–19) уточняется, наконец, проблематика исследования. Однако и здесь мы встречаемся с рядом неожиданных положений. Прежде всего удивляет, что по замыслу автора книга обращена к читателям Греции, Италии, Франции, где «русский язык... пока более известен, чем украинский» (с. 15). Весьма туманным предстает и общий замысел книги (позволим себе развернутую цитату) «сквозь призму древнего языка, достаточно полно отраженного в письменных памятниках, в т. ч. художественных, посмотреть на другой, тоже древний, но бесписьменный, относящийся к общей семье, пракорни которых находились в одной и той же территориальной группировке, а при распаде ее оказались в разных, но смежных группах, подвергавшихся синхронно общим дивергентным процессам, сохраняя при этом черты родства. И посмотреть не непосредственно, потому что из-за отсутствия письменности в одном из них это невозможно, а опосредованно через древний письменный язык и один или несколько современных письменных языков на их предка – древний бесписьменный язык. Изучить реальные языковые явления письменного языка древнейшей эпохи и методом синхронных параллелей в ретроспективном плане предположить, что могло и чего не могло быть в структуре территориально, хронологически, генетически смежного бесписьменного языка» (там же). Глобальность поставленной задачи входит в явное противоречие с материалом, поскольку трудно ожидать, что, опираясь только на древнегреческую антропонию, мы можем сделать значимые выводы о структуре другого языка, даже если это язык родственной и территориально смежной. К тому же остается загадкой суть «метода синхронных параллелей в ретроспективном плане», которым предполагает руководствоваться автор.

Даже обращаясь уже непосредственно к ономастикону, автор продолжает ставить всеобъемлющие задачи, исследовать все сразу. Ср.: «В нашей книге ономастикон древнегреческого языка изучается с экскурсом в ономастиконы отдельных ныне функционирующих славянских языков, чтобы при помощи хронологически зафиксированного ономастикона древнегреческого языка воскресить относительную хронологию ономастических, а при их помощи и некоторых общеязыковых явлений и процессов праславянского и отдельных славянских языков» (с. 18). Возможно ли это? Ведь многообразии проблем, целей и задач, интересующих автора, трудно и дифференцировать, и подсчитать. Ономастикон древнегреческого языка (тем более I тыс. до н. э.) уместнее изучать без всякой оглядки на славянские ономастиконы, поскольку формирование древнегреческого ономастикона – это одна проблема, а славянского (и славянских) – другая, и их невозможно объединить в рамках одного исследования (что, естественно, и не сделано в книге).

Автор неоднократно подчеркивает, что ономастикон древнегреческого языка «хронологически зафиксирован» (см., например, с. 18). Как это следует понимать? Установить точную дату возникновения древнего слова или имени невозможно. Применительно к древним языкам трудно говорить даже о времени первой фиксации, так как состояние источников, как правило, не позволяет судить об этом. Тем более трудно представить себе полный и целостный антропонимический корпус древнегреческого языка только на основании материала выбранных В. А. Горпиничем словарей Дворецкого и Бензелера. Здесь требуются еще и **специальные словари, в частности** *W. Papes. Handwörterbuch der griechischen Sprache in 4 Bänden. Dritter Band. Wörterbuch den griechischen Eigennamen. Vierten Ausdruck. Braunschweig, 1911*

(в переработке этого издания, кстати, принимал участие и д-р Бензелер), а также *P. Chantraine*. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, 1968–1977. Очевидно, нужно использовать и эпиграфические источники, по крайней мере, индексы к изданиям.

Автор пишет, что в своем исследовании он предполагает описать семантику этимонов личных имен и структуру ойконимов, словообразовательные средства и способы создания топонимов, адъектонимов и катойконимов с соответствующими экскурсами в украинский язык (с. 19). Подобная всеохватность лишает книгу конкретной проблематики, а зачем нужны экскурсы в украинский язык, вовсе непонятно.

Вызывает возражение и метод этимологизации собственных имен греческого языка: хотя автор взял на себя труд исследовать «все и вся», но ограничивается древнегреческой основой, «данные других языков не привлекались». Однако ни один язык не может быть объяснен только из самого себя.

Вторая глава «Древнегреческая антропонимия» (с. 20–26) вновь начинается с «Введения» (хотя странно видеть введение не в начале исследования), и здесь мы узнаем, что автор собирается исследовать и славянскую антропонимию и особенно его интересует ономастикон праславянского языка, не имеющего письменности (с. 21). Не следовало ли посвященную именно этому книгу назвать по-другому?

Впрочем, сам В. А. Горпинич понимает глобальность поставленных им задач и признается, что намерен ограничиться описанием состава древнегреческой антропонимии и сопоставлением ее со славянской, прежде всего украинской (с. 22). Таким образом, метод параллельного сопоставления на общем синхронном срезе (с. 15) на деле оборачивается попыткой соотнести два совершенно разных синхронных среза: древний и современный. Заметим, впрочем, что сравнение с украинским языком проводится фрагментарно и либо касается универсалий (например, на с. 49 автор обнаруживает, что украинский и древнегреческий антропонимикон сближает наличие прозвищ – но прозвища есть в ономастиконе практически любого языка), либо носит случайный характер (например, на с. 261 отмечается, что суффикс *-ин(а)* встречается как в древнегреческих женских именах типа *Евфросина*, так и в украинских именах *Енгельсина* и *Марксина*; на с. 27 сопоставляются украинский формант *-о* в именах типа *Сашко* и греческий *-ю* в женских именах), не отражая существенных свойств ни древнегреческой, ни славянской ономастики.

Вызывает возражения и декларируемая автором схема историко-словообразовательного комментария: «антропоним, т. е. личное имя; потом: общая характеристика его носителя (какого? – *И. Л.*) и имя автора, в произведениях которого оно употребляется; фонетические варианты имени; диалектные варианты имени (интересно, откуда они берутся, если, как правило, отсутствуют в словарях Дворецкого и Бензелера? – *И. Л.*); этимология имени; особенности его образования; параллельные словообразовательные формы в украинском, русском и других славянских языках (если имеются); производные дериваты анализируемого личного имени» (с. 22–23). Разноголосица подаваемых сведений мешает единству исследования. «Параллельные словообразовательные формы» только отвлекают, а что такое «производные дериваты», наверное, стоило бы пояснить.

В параграфе под названием «Собственные имена» (с. 23–24) автор на основе книги Н. В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии» (М., 1988) объясняет читателю, что такое собственное имя и дает краткую классификацию онимов. Для данного исследования эта информация кажется излишней, при этом удивляет наличие термина *хромоним* для обозначения собственного имени любой территории (вероятно, это одна из многочисленных опечаток в словаре Н. В. Подольской, на который ссылается автор, – речь идет о *хорониме*).

Этимологии, которые автор дает достаточно бессистемно и произвольно, нуждаются в проверке по указанным словарям Раре и Шантрена. Отметим лишь одну явную ошибку, хотя список наших несогласий с автором очень велик: имя *Акротатос* вряд ли означает «отличный отец» (с. 110), но представляет собой превосходную степень от прилагательного *акрос* ‘высший, верхний; наилучший, превосходный’.

Словники имен нуждаются, на наш взгляд, в структурализации и выделении собственно антропонимов, принадлежащих грекам. Так в словнике мужских имен мы встречаем теонимы (*Απολλων, Βακχος, Βορεας, Ζευς*), культовые эпитеты (*Ζαγρευς, Φοιβος*), имена многочисленных мифологических персонажей, часто просто свойственных греческой мифологии персонафицированных натурфилософских абстракций (*Φοβος, Υμεναιος, Αιθηρ, Τυφων*), а также имена персидских вельмож (*Αριοβαρζανης, Αρταξερζης*), пунийцев (*Αμιλκας* – Гамилькар, *Αννιβας* – Ганнибал), римлян (*Καισαρ, Κικερων*), египтян (*Χεοψ, Οσιρις, Σαβαζιος*) и даже *Ιεροσολυμος, Χριστος, Ψευδοχριστος*.

Рассмотрение гипокористических имен (с. 27–30), очень трудных для исследования, так как многие стилистические нюансы антропонимической прагматики древних языков сейчас утеряны, тоже пестрит ошибками и недоговоренностями. Так, *Τριτω*, скорее всего, не гипокористика, а пароним к *Τριτογενεια* (о том, что это морфемные варианты, пишет и сам автор на с. 29 [ср. также: Раре, 1554]). Хотя некоторые исследователи допускают, что *Δηω* может быть гипокористической формой к *Δημητηρ*, Любкер рассматривает эту форму как культовый эпитет со значением ‘ищущая’ [Любкер, 381]. *Αντιγωνη* не имеет сокращенной формы имени *Γονατας* (с. 28), так что афрезы здесь нет, и *Αντιγωνος Γονατας* (т. е. «с железным наколенником») – это совсем другое лицо, сын Димитрия Полиоркета.

В разделе «Типы личных имен по мотивам номинации» (с. 30–36) не совсем ясны принципы классификации. Так, на наш взгляд, к теофорным именам должны относиться антропонимы, связанные не только со словом *θεος*, но и с именами языческих божеств. Кроме того, в онимах типа *Προμηθευς, Ευρυσθευς, Πενθευς* уместно выделять не основу *θεος*, а суффикс *nomina agentis -ευς*. В то же время деминутивные суффиксы выделены правильно и приведенные на с. 35 примеры весьма интересны.

Раздел «Зоонимы» (с. 37–40), пожалуй, самый неожиданный в книге, посвященной антропонимии, и уж совершенно поражает определение этого вида онимов: «зоонимы – вид ойконимов» (с. 37). Что касается самого анализируемого материала, то следует заметить, что мыши и лягушки – персонажи комической поэмы «Война мышей и лягушек», пародирующей героический эпос, в этом контексте их и надо рассматривать. Внутренняя форма имен мышей и лягушек понятна и очевидна, это композиты, имитирующие торжественный стиль эпических эпитетов.

Краткий раздел о патронимах и матронимах (с. 41–43), очевидно, не претендует на исследование всего материала. В целом он не вызывает возражений. То же надо сказать и о разделе «Андронимы и андронимы» (с. 43). Глава же «Прозвища» (с. 43–50) вновь демонстрирует хаотический подбор материала, по крайней мере половина которого – культовые эпитеты богов, и вряд ли они могут быть квалифицированы как «прозвища». Здесь немало явных неточностей. Так, например, прозвище Деметрия не *Πολυορκητης*, а *Πολιορκητης*, и означает оно, соответственно, не «многоклявственный» (с. 48), а «осаждающий города». Что касается антропонимов *Ленин* и *Сталин*, то вряд ли это «прозвища» В. Ульянова и И. Джугашвили (с. 49), не говоря уже о том, что совершенно непонятно, каким образом эти антропонимические факты могут помочь в изучении праславянского ономастикона.

Один из значимых разделов второй главы – «Деривационные возможности личных имен» (с. 50–65). На основе личных имен, как пишет автор, «формировались названия городов и других географических объектов (гидронимов, оронимов), храмов, празднеств, конкретных предметов, абстрактных понятий, действий, частей тела человека, потомков, женщин, мужчин и т. д. Деривационные возможности не зависят ни от структуры, ни от этимологического значения имени. Они обусловлены исключительно экстралингвальными факторами» (с. 50). Вероятно, на эту тему могло бы быть написано самостоятельное развернутое исследование, однако почти весь материал главы представлен теонимами и личными именами людей, включенными в «онимную парадигму» концепта «Всевышний. Творец мира» (лексема *θεος* ‘бог’). Учитывая, что автор анализирует целое тысячелетие в истории греческого языка, было бы интересно узнать, к какому времени относится данный концепт.

Вызывает сомнение рубрика «Названия антропонимических абстрактных понятий» (с. 59). Среди приведенных автором лексем нет ни одного абстрактного понятия: гомеровское *Δολωνεία* значит не «убийство Долоне», а просто «о Долоне»; *αδωνιασμός* как «плач по Адони-су» тоже имеет предельно конкретное значение и т. д. В этой же главе говорится об образовании личных имен от топонимов и этнонимов, что описывает процессы, диаметрально противоположные указанным в начале главы.

Мужские и женские древнегреческие имена рассматриваются отдельно в двух последних главах книги. В каждой из глав представлены словники имен, в остальном структура глав несколько различается.

В главе «Мужские личные имена» (МЛИ) особый раздел посвящен фонематической и морфемной структуре этих имен (с. 81–94). Правда, утверждение, что «в период с XXV в. по I в. до н. э. все слова праславянского языка оканчивались гласными звуками (действие закона открытого слога)», заставляет размышлять скорее о хронологии, нежели о фонологии. К сожалению, автор ограничивается общей фонетической характеристикой греческого слова, поэтому непонятно, есть ли фонетическая специфика у антропонимов и в чем она заключается. Вызывает недоумение то, что во всех списках мужских личных имен, приводимых в анализируемой главе, присутствуют имена, негреческое происхождение которых очевидно: *Καίσαρ*, *Χεοψ*, *Μίθρας*, *Ισαίος* и т. д. Сосредоточенность автора на характеристике финалей морфологических основ, по-видимому, обусловлена влиянием работ Ю. Н. Откупщикова, но вокализм, акцентуация, какие-либо сравнения с апеллятивной лексикой отсутствуют полностью.

Раздел «Композиты мужских личных имен» (с. 94–102) нуждается в тщательной сверке с авторитетными словарями и справочниками. Так, формант *-ταίος* в именах *Αμυρταίος*, *Αρισταίος*, *Εκαταίος* не связан со словом *θεός* (с. 102), но в каждом приведенном случае должен квалифицироваться особо; в имени *Στεφανός* безусловно нет корня *φανής* (там же) и т. п.

Страдает невыверенностью и раздел «Словообразовательная и этимологическая структура МЛИ» (с. 103–231). Очень жаль, что автор не ознакомился со словарем Rare, который содержит много сведений, необходимых для данного исследования. Целесообразность сопоставления с украинскими онимами вызывает большие сомнения, потому что нет единого критерия сопоставления, который объединил бы весь материал.

Все сказанное относится и к главе о женских личных именах (с. 240–304). Не хотелось бы приводить многочисленные примеры неточностей и ошибок, в этом разделе есть и интересные наблюдения, но глобальность поставленных автором проблем, дробность структуры, скороговорка в изложении мешают отчетливо структурировать материал и описывать его.

Общие выводы также вызывают много вопросов. На с. 314 мы читаем основной итог работы: «Изучение праславянской языческой (дохристианской) антропонимии методом диахронических параллелей древнегреческого и украинского языков подтвердило: 1) реальную возможность плодотворного применения сопоставительного метода при исследовании неродственных диахронно разнородных языков одной семьи “по вертикали”; 2) достоверный характер относительной хронологии антропонимических явлений праславянской эпохи; 3) объективность выводов о самобытном характере праславянской антропонимии, полученной в наследство от протопраславянской этноязыковой общности; 4) большую вероятность предположения о том, что корни древнегреческого и праславянского языков восходят в конечном итоге к разным диалектам индоевропейского языка». Отсюда читатель с изумлением узнает, что, оказывается, автор исследовал вовсе не древнегреческую, а праславянскую языческую (дохристианскую) антропонимию; суть сопоставительного метода при исследовании неродственных диахронно разнородных языков так и осталась нераскрытой, относительная хронология антропонимических явлений праславянской эпохи в работе не исследовалась, неясно также, какие именно явления имеются в виду, но зато праславянская антропонимия, тем более полученная в наследство от протопраславянской этноязыковой общности, безус-

ловно, самобытна, и наконец-то рассеялись последние сомнения в том, что корни древнегреческого и праславянского языков восходят к разным диалектам индоевропейского языка. Но этнолингвистическое своеобразие древнегреческой антропонимии по-прежнему ждет своего описания.

Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб., 1885.

Papes W. Handwörterbuch der griechischen Sprache in 4 Bänden. Dritter Band. Wörterbuch den griechischen Eigennamen. Vierten Ausdruck. Braunschweig, 1911.

И. А. Летова, старш. преп. кафедры древнерусской литературы и фольклора Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). – Воронеж: «Научная книга», 2007. – 302 с.

Книга С. А. Скуридиной «Поэтика имени у Ф. М. Достоевского» написана в русле литературной ономастики, науки, изучающей функционирование собственных имен в художественном тексте. В разделе «К истории изучения поэтики имени», открывающем книгу, читателям предлагается краткий обзор развития литературной ономастики на пути становления ее в качестве комплексной филологической дисциплины – от первых попыток истолковать то или иное имя в разных произведениях русской литературы до современного ее состояния. Уже по этой небольшой, но достаточно емкой главе видно, что исследовательница основательно изучила историю вопроса. Примечательно, что С. А. Скуридина характеризует не только этапы развития литературной ономастики, но также рассматривает взгляды и идеи писателей и литературных критиков, чья рефлексия над мотивами выбора писателями имен для своих героев оказала немалое влияние на формирование этой дисциплины (М. В. Ломоносов, В. Г. Белинский, Н. С. Лесков и др.).

Во второй главе «Аспекты изучения ономастики Ф. М. Достоевского» автор книги сосредоточивает внимание на степени изученности онимии в произведениях Ф. М. Достоевского. С. А. Скуридиной учтены точки зрения многих ученых, так или иначе занимавшихся анализом имен собственных в произведениях Ф. М. Достоевского, на статус проприальной лексики в творчестве писателя. Здесь автор книги наглядно демонстрирует свою компетенцию, охватив широкий круг работ разнообразной тематики, общей для которых является интерпретация тех или иных онимов у Достоевского, выступающая в качестве средства исследования его поэтики. С. А. Скуридина приходит к обоснованному выводу, что учеными более или менее подробно рассматривались прежде всего имена главных героев, а также отдельные топонимы, маркирующие место действия его произведений. При этом анализировались онимия лишь нескольких, наиболее известных романов писателя, таких как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы». С. А. Скуридина, констатируя явно неоднородный характер изученности ономастикона произведений писателя, утверждает важность полного и системного исследования онимов в том или ином произведении.

Руководствуясь принципом целостного подхода, исследовательница делает попытку проанализировать собственные имена в двух романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Бра-